

Б. Д. Цыренов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В МОНГОЛАЗЫЧНО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ

Аннотация. Рассматриваются особенности представления терминологической лексики в монголоязычно-русских словарях. В монгольско-русском словаре термины составляют 17 % словника, в бурятско-русском словаре – 12 %, а в калмыцко-русском – 7 %. Значительный объем терминов в монгольско-русском словаре обусловлен высоким уровнем развития в монгольском языке терминологии. В бурятском и калмыцком языках развитию национальной терминологии препятствовало активное заимствование терминов из русского языка. В этих языках распространены преимущественно термины – названия растений и животных, в меньшей степени – техническая, производственная, экономическая и другая терминология. Становление и развитие терминов в монгольских языках основывалось на народной терминологической лексике, в которую входят названия растений и животных, этнографической лексике: названиях реалий кочевого быта народа, национальной кухни и т. д.

This paper discusses the features of presenting the terminological vocabulary in Mongolian-Russian dictionaries. In the Mongolian-Russian dictionary the terms amount to 17 % of the glossary, in the Buryat-Russian dictionary – 12 %, and in the Kalmyk-Russian – 7 %. A significant number of terms in Mongolian-Russian dictionary could be explained by a high level of development of terminology in the Mongolian language. The development of national terminology in Buryat and Kalmyk slowed down because of an active borrowing of terms from the Russian language. This is the reason why the names of plants and animals predominate over the technical, industrial, economic and other terminology in these languages. The formation and evolution of terms in Mongolian languages were based on the traditional popular terminology including the names of plants and animals, ethnographic vocabulary: realia of nomadic life, the national cuisine etc.

Ключевые слова: термины, терминологическая лексика, монгольские языки, словари.

Terms, terminological vocabulary, Mongolian languages, dictionaries.

УДК 811.512.3 + 81'374

Контактная информация: ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047; +7 (301 2) 43 35 51; tsyrenovbabasan@mail.ru

«Термин – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности, входящие в общую лексическую систему языка

через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)» [ЛЭС, 1990, с. 508]. Переход термина из конкретной области человеческого знания в общий фонд литературного языка происходит разными, но в целом сходными путями. Огромную роль в миграции терминов в современных условиях играют СМИ, причем, если 20–30 лет назад тон задавали печатные средства массовой информации (газеты, научно-популярные журналы) и затем уже телевидение, то в настоящее время ведущая роль отошла Всемирной паутине, на втором месте – телевидение, а на третьем – печатные издания.

Действительно, термины не могут существовать изолированно от общенародного (литературного, разговорного) языка. Границы любой терминологической системы проницаемы. Рано или поздно её пересекают даже сравнительно недавно созданные термины, расширяя свою орбиту, переходят в общенародный язык. Легче всего такому переходу подвержены термины, обозначающие реалии или явления, непосредственно окружающие человека или имеющие к нему прямое отношение, названия современной бытовой техники и операций, с ними связанных: *ксерокс* – копировальный аппарат любой марки → *ксерокопировать* (рус. разг. *ксерить*), *ксерилхэ* (в бур. яз.) – производить копирование с помощью копировального аппарата. В монгольском языке совершенно идентичная ситуация со словом *сапон*: *канон* – *канондах*. Следующей в ряду проникающих в обиходный, затем в литературный язык идет медицинская терминология: человек, перенеся какое-либо заболевание, овладевает всей сопутствующей терминологией на обывательском уровне, участвуя в образовании наивной этимологии, своеобразной «наивизации» термина.

Термины как слова или словосочетания, относящиеся к специальной области, описываются в соответствующей литературе и, прежде всего, в терминологических словарях. Тем не менее, как уже говорилось, терминология – не изолированная система, и в своей значительной части она интегрирована в общенародный и общелитературный язык. Исходя из этого положения вполне закономерно отражение ее в общих лингвистических словарях: толковых и переводных.

Естественно, что не вся терминология, количество которой в русском языке, например, достигло уже нескольких сотен тысяч, может быть включена в общие словари. Здесь, как ни в каком другом случае (например, с диалектизмами, архаизмами, историзмами и т. д.) требуется тщательный отбор. Для включения в общие словари, как предлагают ведущие в этой области ученые, термины должны обладать правом на переход из терминологического фонда в собственно лексический фонд языка. Это нужно прежде всего для сохранения разумного соотношения между общеупотребительными лексическими элементами и терминами разных областей науки и техники в переводных и толковых словарях.

В. П. Берков предлагает различать для лексикографического описания три группы терминов по степени известности: 1) слова какой-либо конкретной специальной области знания или деятельности человека, обозначающие понятия, известные широкому кругу людей (*треугольник*, *хрящ*, *атмосфера*, *млекопитающие*, *пенсия*); 2) слова, обозначающие понятия из данной специальной области, не известные широким массам носителей данного языка (*аллофон*, *вольер*, *ляло*, *бергшруд*, *тендовагинит*); 3) слова, обозначающие понятия, известные широкому кругу лиц, но имеющие среди неспециалистов, в быту, иное наименование (мор. *конец* ‘веревка’, альпинистское *вершина* ‘гора’, мед. *фрактура* ‘перелом’, *люксация* ‘вывих’, *инцизия* ‘разрез’) [Берков, 1973, с. 62]. Помимо этих трех групп терминов, следует выделить еще одну группу – народную терминологическую лексику, которая, зародившись в народной массе, подверглась в силу различных причин терминизации. Прежде всего, такая лексика охватывает различного рода фитонимы и зоонимы. Например, в монгольском языке сложное слово *ухрийн нүд* (бур. *ухэр нюдэн*) ‘черная смородина’, возникшее вследствие метафорического

переноса, выполняло номинативную функцию в обиходе, называя съедобную ягоду, а затем перешло в область ботанической терминологии. Несомненно, они должны быть включены в состав словника родно-иноязычного словаря как явление этого языка.

Среди языков монгольской группы самой развитой терминологией обладает монгольский язык. Собственными языковыми средствами в монгольском языке создана обширная терминология по всем отраслям человеческой деятельности, общее количество которых к 2002 г. составляло более 130 тысяч терминов [Гэрэлмаа, 2002, с. 52] (по данным Г. Ц. Пюрбеева, к 1984 г. около 140 тысяч терминов [1984, с. 4]). «Истоки формирования монгольской терминологической системы берут свое начало в XIII–XVIII вв. По мнению многих ученых, это был первый исторически засвидетельствованный период наибольших изменений в монгольской лексике...» [Пюрбеев, 1984, с. 3].

К XVIII в. монгольская лексикография располагала рядом крупных переводных и терминологических словарей: «Маньчжурско-монгольский словарь» (1708), «Тибетско-монгольский терминологический словарь» (1740), «Маньчжурско-монгольский терминологический словарь» (1780). «Монголчууд хүмүүн болоод байгаль ертөнц, нийгэм аж төрөхүйн үзэгдэл юмсыг танин мэдэж, тэдгээрийг нэрлэж, нэрэтомьёог оноон тогтоож тайлбар толиндоо тусган хадгалж өнөөгийн бидэнд өвлүүлсэн түүхэн уламжлалтай» (Монголы, познавая человека, явления общественной жизни, окружающего мира, наделяли их именами и пронесли их сквозь историю до нашего времени в словарях) [Янжиндолгор, 2000, с. 68]. А. Янжиндолгор упоминает такие словари, как: «Хорин нэгтийн тайлбар толь» (Словарь в 21 тетради), «Гучин зургаатын тайлбар толь» (Словарь в 36 тетрадях), Жаншаа хутагт Ролбийдоржийн удирдлагаар «Мэргэд гархын орон» (словарь, известный в России как «Источник мудрецов»). В современной истории Монголии издано более 10 терминологических словарей как специальных, так и общих, около 200 «Бюллетеней государственной терминологической комиссии».

«С первых лет установления народной власти в МНР началась работа по созданию терминологии различных областей науки, техники и экономики» [Пюрбеев, 1984, с. 4]. Именно создание суверенного государства, включившегося в мировые политические, общественные, экономические процессы, развитие науки и техники, стало толчком к бурному развитию терминологии. Молодое государство, обретя независимость и став равноправным участником международного сотрудничества, вынуждено было искать средства и способы наименования современных для того периода реалий, и этот процесс продолжается до сего времени. Благодаря этому монгольский язык «вырвался» вперед в области терминотворчества среди других языков монгольской группы. Другие же монгольские языки, в частности бурятский и калмыцкий, оказавшиеся в пределах Российского государства (в дальнейшем Советского Союза, Российской Федерации, где русский язык является государственным), сохранив старую общественно-политическую, традиционную терминологию, остановились в последующем развитии терминологии. Образование Советского Союза дало толчок к появлению промышленности, но в то же время имело определенный отрицательный эффект: социально-экономическое развитие этих народов шло в русле существовавшей в то время языковой политики, которая не предусматривала развитие иных сфер употребления малых языков, кроме среднего образования, СМИ, художественной и публицистической литературы, искусства. В этих условиях терминотворчество на национальных языках, естественно, остановилось. Результатом этих социально-исторических процессов стало активное заимствование русской терминологии в ущерб национальной.

Для монгольской теоретической лексикографии представляет большой интерес специфика представления терминов в монголоязычно-русских словарях, чем в русско-монголоязычных. По терминам, включенным в первые, можно получить

представление о развитии терминологической системы в конкретном языке, доле соотношения исконных (заимствований раннего времени), калькированных и позднезаимствованных терминов. Целью нашего исследования является выявление доли терминов в словниках изучаемых словарей, особенности их репрезентации, маркирования посредством специальных помет и т. д.

Учитывая многолетнюю терминотворческую деятельность АН Монголии, целенаправленное развитие терминосистем по разным отраслям науки, техники, производства, социальной и политической жизни, нетрудно представить, что количество исконных терминов в Большом академическом монгольско-русском словаре (БАМРС) значительно превосходит заимствования, так же как и то, что термины в словнике БАМРС занимают порядка 17 %. Довольно значительную долю в словнике термины занимают и в Бурятско-русском словаре (БРС I и БРС II). Следует сказать, что в предыдущем издании (1973) их было гораздо меньше. Увеличение произошло за счет того, что в новое издание были включены термины – заимствования новейшего времени, относящиеся к IT-технологиям, компьютерной технике, экономике, медицине, общественно-политической жизни. Доля терминов в словнике порядка 12 %. В Калмыцко-русском словаре (КРС) представлено меньше терминов – около 7 % от всего словника.

В Калмыкии и Бурятии – субъектах Российской Федерации, основным языком образования, науки и техники, сельского хозяйства, экономики и производства, юриспруденции и др. является русский язык, который располагает богатейшим арсеналом терминов. В такой ситуации нет условий для развития собственной национальной терминологии, и языки идут по пути наименьшего сопротивления, т. е. по пути активного заимствования и реже калькирования русских терминов. Кроме того, при слабом развитии земледелия и практически полном отсутствии производства вплоть до начала XX в. отсутствовала или была чрезвычайно слабо развита соответствующая терминология.

Национальная терминология в бурятско-русских и калмыцко-русских словарях представлена преимущественно народной терминологической лексикой и профессионализмами и включает названия растений и животных, терминологию, связанную со скотоводством, кочевым бытом, охотой (особенно у бурят). Эта терминология получила в обоих языках отражение в специальных словарях (см.: [Бабуев, Бальжинимаева, 2004; Пюрбеев, 1996]). Такая народная терминологическая лексика в составе терминов, включенных в калмыцко-русский и бурятско-русский словари, не превышает 30 %. Остальные термины – заимствования и кальки. Следует также заметить, что часть народной терминологии, например названия растений и животных, вошла в официальную номенклатуру терминов соответствующих областей знания.

Первое, хотя лишь формальное, представление о презентации терминологии в словарях (как и других разрядах лексики, например диалектной) дает список условных сокращений. В БАМРС 57 сокращений терминологических помет, в БРС – 59, а в КРС – 43. По этим спискам, естественно, нельзя судить ни об удельном весе терминов, ни о представленности какой-либо конкретной терминологической системы. По результатам анализа этих списков можно лишь заключить, что при общих тенденциях наблюдаются некоторые отличия. Так, в КРС не представлены термины из бактериологии, пчеловодства, фотодела, демографии, фармакологии, минералогии, кулинарии, шаманизма, текстильного производства и некоторых других.

Подробный анализ представленных в трех словарях терминов, как уже указывалось, свидетельствует о том, что национальная терминология в БРС и КРС относится к областям религии, животноводческой отрасли сельского хозяйства, филологии, зоологии и ботаники (в пределах наименований животных и расте-

ний, распространенных на территориях расселения бурят и калмыков), остальная часть – заимствования из русского языка.

В этом плане в БАМРС более богато представлена терминология по всем отраслям науки, техники, производства в силу значительного развития терминологии в монгольском языке. Термины в этом языке образуются благодаря расширению спектра значений моно- и полисемантических слов и появления сложных терминов – сочетаний. Например, в БАМРС парные сочетания **авлага** / **оглог**... б) *санхуу*. доход (приход и расход, актив и пассив) [БАМРС, 2004, т. 1, с. 28] (*санхуу* финансовый термин. – Б. Ц.). В бурятском и калмыцком языках это слово в ординарном употреблении *абалга* и *авлһн*, имеющее с монгольским общее происхождение от старомонгольского *abuly-a*, в ряду других имеет значение ‘взятка’, т. е. не терминологично.

Г. Ц. Пюрбеев отмечает, что в словарях монгольского языка термины, относящиеся к разным системам, объединяются в одной словарной статье, а указание на сферу функционирования эксплицируется с помощью специальных помет [1984, с. 7]. Это утверждение верно и в отношении БРС и КРС.

В некоторых случаях дальнейшее развитие полисемии способствует образованию гомогенных омонимов – терминов. Так, в «Монгольско-русском словаре» (М., 1957) в словарной статье на **хэл(эн)** даются терминологические значения *анат.* ‘язык (орган)’ и *перен.* ‘язык, речь’, иными словами, эти значения входят в единую номенклатуру значений слова **хэл(эн)** [Пюрбеев, 1984, с. 7]. Подобное наблюдалось и в разных изданиях бурятско-русского словаря (1951, 1973). Но в последнем издании БРС, равно как и в БАМРС, эти значения слова разъединяются, в результате чего образуются омонимы **хэл(эн) I** и **хэл(эн) II** в БАМРС и **хэлэн I** и **хэлэн II** в БРС. В качестве второго омонима выделено значение ‘язык, речь’. В статьях **хэл(эн) II** и **хэлэн II** в БАМРС и БРС смущает то, что сохранилась помета *шэлж. (перен.)*, унаследованная от предыдущих словарей. По нашему мнению, при выделении самостоятельных омонимов следовало бы отказаться от статуса переносности, поскольку они уже не несут переносного значения, а являются вполне самостоятельными словами – терминами.

В КРС, в силу того что он издан гораздо раньше двух названных выше словарей, **келн** полисемантический. Данный словарь вышел до появления соответствующей тенденции.

Терминологической системе, как и общей лексике, присущи лексико-семантические явления – омонимия, антонимия и синонимия, но, как указывает Г. Ц. Пюрбеев, эти явления мало чем отличаются от соответствующих явлений в языке вообще.

Общие толковые и переводные словари лишь в некоторой степени, сообразно своим частным целям и задачам, представляют терминологию, распространенную в языках. При этом отбор, точнее принципы отбора, никак не мотивированы, а в предисловиях словарей они никоим образом не оговариваются. Часто упоминающиеся в лексикографических исследованиях критерии употребительности и частотности нигде не соблюдаются. Тем не менее при сравнительном анализе приходим к выводу, что в национально-русских словарях монгольских языков терминология представлена достаточно широко, хотя и довольно бессистемно. Лидерство по охвату и массовой доле принадлежит БАМРС, в котором терминология занимает около 17 % от общего числа ЗЕ, следом идут БРС (около 12 %) и КРС (около 7 %).

Словари «грешат» включением узкоспециальной терминологии, которая не употребительна в общелитературном языке (языке художественной, публицистической литературы, языке СМИ). «Включение в общие словари узкоспециальных терминов, не вошедших в обиход, объясняется главным образом тем, что при их отборе для словника лексикографы в качестве словарного источника чаще всего

пользуются существующими терминологическими словарями, которые по своему назначению и характеру принципиально отличаются от общих словарей» [Юлдашев, 1972, с. 89–90].

Народная терминологическая лексика, включающая также профессионализмы охотников – зачастую табуированные слова, представлена в национально-русских словарях монгольских языков. Как мы уже отмечали, такие термины с образованием литературных языков органично входят в терминологические системы соответствующих отраслей знания. Единицы народной терминологии, в отличие от специальной, выделяются значительной степенью метафоричности, часто создаются на базе аналогии, метафорического и метонимического переноса. Эти термины включаются в словари как уникальные наименования реалий, существующих в окружающем мире и быту народа – носителя языка. Как пишет А. А. Юлдашев, народные термины включаются, в частности в тюркско-русские словари, по следующим причинам: «во-первых, эти слова выражают реалии, не имеющие в данном языке иного обозначения, во-вторых, они отражают материальную и духовную культуру данного народа, в-третьих, среди этой терминологии больше всего встречаются редкие, ранее не зафиксированные слова, представляющие помимо всего историческую ценность, в-четвертых, что самое главное, эта лексика почти во всех тюркских языках еще мало изучена как по своему составу и характеру, так и с точки зрения ее принадлежности к литературной норме» [Там же, с. 87].

Подавляющее большинство народных терминов представлено названиями животных и растений. В составе названий растений и ряда других терминов часто используются названия домашних животных:

- бур. *хонин арса* ‘можжевельник ложноказацкий’ [БРС II, с. 442], монг. *хонин арц* ‘вид можжевельника, можжевельник казацкий’ [БАМРС, IV, с. 108];
- калм. *нохан келн* ‘медуница’ [КРС, с. 383]; *нохойн хэлэн* ‘медуница’ [БРС I, с. 616], *нохойн хэл* ‘пустырник беловойлочный’ [БАМРС II, с. 417].

В БАМРС зафиксировано 11 терминов, образованных с участием слова *нохой* ‘собака’ и *нохойн* ‘собачий’ – 6 терминов:

- *нохой бөөс* ‘блоха’ (букв. собака, блоха), *нохой галуу* ‘зимородок’ (букв. собака, гусь), *нохой далан хальс* ‘тальник’ (букв. собака, семьдесят, кора / кожура), *нохой зангуу* ‘дурнишник обыкновенный’ (букв. собака, чилим), *нохой сармагчин* ‘макака’ (букв. собака, обезьяна) и т. д.

Подобные термины в бурятско-русском и калмыцко-русском словарях выделяются в отдельные значения с пояснением: *в составе бот. терминов, в составе зоол. терминов* или *употр. в составе двухкомпонентных названий растений* (в БРС), *в составе бот. и зоол. названий* (в КРС). В БАМРС данные значения отмечаются пометой *амьт. – амьтан ургамлын нэрийн бүрэлдэхүүнд*.

К народной терминологической лексике также относятся названия реалий кочевого быта, юрточного жилья, национальной кухни, одежды, бытовой утвари и т. д. Эти названия, в отличие от ботанических и зоологических терминов, в словарях никак не выделяются.

Специальная терминология в национально-русских словарях монгольских языков представлена в сравнительно небольшом количестве. Народная терминологическая лексика в современных литературных языках частично вошла в состав специальной терминологии (названия растений и животных), остальная часть (названия различных реалий), функционирующая в языке, составляет этнографическую лексику, распределяясь в зависимости от употребительности в пассивный

или активный запас, от хронологической маркированности – в архаизмы или историзмы.

Список литературы

- Бабурев С. Д., Бальжинимаева Ц. Ц.* Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи. Улаан-Үдэ: Бэлиг, 2004. 358 с.
- Берков В. П.* Вопросы двуязычной лексикографии: Словник. Л., 1973. 243 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. М.: Academia, 2004.
- БРС I – *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: ОАО «Респ. типография», 2006. Т. 1: А–Н. 636 с.
- БРС II. – *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: ОАО «Респ. типография», 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Гэрэлмаа Г.* Монгол хэлний хоршоо үгийн нэртомьёоны үүрэг // Монгол хэл шинжлэл. Улаанбаатар, 2002. С. 49–59.
- Калмыцко-русский словарь / Сост. Б. Б. Басангов. Элиста: КалмГИ, 1963. 340 с.
- КРС – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.
- Пюрбеев Г. Ц.* Современная монгольская терминология (Лексико-семантические процессы и деривация). М.: Наука, 1984.
- Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Юлдашев А. А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.
- Янжиндолгор А.* Монгол хэлний тайлбарь толь зохиох асуудалд – Монгол шинжлэл. Улаанбаатар, 2002. С. 73–82